

На правах рукописи

Диссертация выполнена на кафедре археологии, древней и средневековой истории Башкирского государственного университета.

Подопригора Александра Робертовна

Образ Геракла в контексте этнополитической истории
Средиземноморья II тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.

Специальность 07.00.03 – всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Круглов Евгений Анастасович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Суриков Игорь Евгеньевич
кандидат философских наук, доцент
Обидина Юлия Сергеевна

Ведущая организация: Алтайский Государственный Университет

Защита состоится «   » марта 2006 г. в «   » часов на заседании диссертационного совета Д.212.081.01 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «   » _____ 2006 г.

Казань – 2006

Ученый секретарь
диссертационного совета

Р.Г.Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Работа посвящена изучению образа одного из наиболее популярных героев греческой мифологии – Геракла. В центре внимания находится рассмотрение противоречий в этом образе, связанных с несоответствием классических представлений о Геракле реально бытовавшим мифам о нем. Античная традиция не раз отмечала неоднородность фигуры Геракла – то могучий герой, безропотно выполняющий волю Эврисфея, то строгий аскет, отвергнувший наслаждения и роскошь, то разумный правитель и крепкий хозяйственник, ведущий к процветанию свое государство. Но эти ипостаси не исчерпывают его облик. Традиции известен и Геракл – персонаж комедии и народных фарсов – весельчак, кутила, обжора. Мифологическая биография Геракла содержит множество эпизодов, не вписывающихся ни в один из стереотипов, то возвышающих его до уровня божества, то уравнивающих с простым смертным. К таким эпизодам относятся, с одной стороны, «богоборческие» сюжеты, повествующие о конфликтах Геракла с олимпийцами и божествами более низкого ранга, с другой стороны, свидетельства традиции о ряде военных кампаний (против Трои, Пилоса, италийских племен etc). Приступы необузданной ярости, жертвами которых стали его собственные дети и племянники, три года в рабстве у царицы Омфалы, выполнение унижительных поручений, подобных чистке скотного двора Авгия, – вот далеко не полный перечень эпизодов, неоднозначных по сути, но вносящих существенные коррективы в представления о герое.

Источниковая база

Значительную часть источниковой базы составляют нарративные источники – сочинения античных авторов: драматургов, мифографов, историков. Эпос Гомера и Гесиода упоминает лишь отдельные подвиги

Геракла на службе у Эврисфея, но канон из двенадцати подвигов формируется только в VI в. до н.э. в эпической поэме Писандра Родосского «Гераклея».

Греческая драматургия трактовала образ Геракла то с праолимпийских позиций, рисуя доблестного героя, сына Зевса, то с позиции критики и насмешки. Геракл в «Трахинянках» Софокла, предпочитающий смерть мучениям, противостоит Гераклу Эсхила, освобождающего Прометея без ведома Зевса, Гераклу Еврипида, убивающему своих детей, и Гераклу Аристофана, вороватому и прожорливому плуту.

Мифографическая традиция в лице Аполлодора и более поздних мифографов – Палефата, Парфения, Антонина Либерала и др. – неоднородна по своим методологическим подходам. В основе «Библиотеки», приписываемой Аполлодору, лежит генеалогический принцип повествования без попыток рационалистического толкования, которые, наряду с фабульным принципом, являются характерным признаком позднейших мифографических сочинений.

Геракл в сочинениях историков не менее многолик, чем произведениях драматургов. Уже Геродот говорил о существовании нескольких Гераклов (Hdt. II.42-44). Сходные наблюдения представлены и в «Описании Эллады» Павсания (Paus.V.7.6-7; VIII.2.4-5). В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского Гераклу посвящена четвертая книга, что уже подчеркивает то значение, которое автор придавал фигуре героя. Своеобразны свидетельства Плутарха в «Моралиях», дающие представления об отдельных специфических чертах культа Геракла.

Нарративные источники дополняются эпиграфическими (Паросский мрамор, Гортинские законы) и археологическими. Последние тем более важны, что на периферии античного мира мы сталкиваемся с

бесписьменными культурами или культурами, налагающими запрет на фиксацию сакральных текстов.

Степень изученности темы

Несмотря на популярность традиционного образа Геракла эта фигура не получила достаточного освещения в отечественной историографии. В зарубежной науке исследователи обращались к данной тематике, в основном, в первой половине XX в., не затрагивая многих аспектов развития образа, связанных с межкультурным взаимодействием Греции и периферии античного мира.

Образ Геракла не был чужд ни средневековью, ни Ренессансу. Свой образ Геракла, брата Христа и Диониса, Геракла-Христа, создали романтики¹. На волне интереса к первобытному мышлению появились работы, трактующие Геракла как представителя активного и удачливого типа героев, как антипода Эдипа – героя пассивного и несчастного².

В конце XIX – первой половине XX вв. появился ряд исследований не только исторического, но и филологического направления о Геракле и Херкле: появились работы У. фон Виламовиц-Меллендорфа, П.Фридляндера, Б.Швейцера и Ж.Байе³. Фигуре Геракла уделяется внимание в работах М.Нильссона. Он освещает праздник Гераклеи, совместные праздники с Аполлоном, празднества мистерийного типа, отмечает распространенность его культа в Аттике и почти полное

¹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1978. – С. 284.

² Brocher H. Le myth du héros et la mentalité primitive. – Paris, 1932. – P. 13 sq.

³ Wilamovitz-Moellendorff U. Euripides Herakles. Der Herakles des Sage. – Berlin, 1895. – Bd. I-II; Friedländer P. Herakles, sagengeschichtliche Untersuchungen. – B., 1907; Schweitzer B. Herakles. Aufsätze zur griechische Religions und Sagengeschichte. – Tübingen, 1922; Bayet J. Les origines de l'Hercule Romain. – Paris, 1926.

отсутствие его в Спарте, останавливается на подвигах канона, попутных подвигах и трудах, приходя к выводу о микенских корнях образа⁴.

Отечественные исследования, освещающие различные аспекты формирования образа Геракла, можно разделить на несколько тематических групп. Римско-италийский аналог балканского героя стал объектом исследований Е.М.Штаерман, увидевшей в культе Геракла отражение классовых противоречий римского общества, И.Г.Шенгелии, рассмотревшему изображения брака Минервы и Херкле на бронзовых зеркалах, Л.С.Ильинской, исследовавшей подвиги героя в землях Гесперии⁵.

Ряд работ отечественных историков посвящен культу Геракла в Северном Причерноморье. Особенности этого культа, обусловленные спецификой региона, исследованы в работах Н.В.Пятышевой, И.И.Толстого, Г.Д.Белова, С.Ю.Сапрыкина, А.С.Русяевой, Э.И.Соломоник, В.Ф.Столбы, П.Д.Диатроптова⁶.

Таким образом, на современном этапе в отечественной историографии наиболее интенсивно исследуется культ Геракла в Северном Причерноморье на материале археологических данных. Анализируются отдельные аспекты его образа и культа, но попытки объяснить механизмы

⁴ Nilsson M.P. Griechische Feste. Von religiöser bedeutung mit ausschuss der Attischen. – Leipzig, 1906. – S. 445-453; Nilsson M.P. The mycenaean origin of greek mythology. – Berkley; Los Angeles; London, 1972. – P. 187-220; Нильсон М. Греческая народная религия. – СПб., 1998. – С. 78, 108.

⁵ Штаерман Е.М. Отражение классовых противоречий II-III вв. до н. э. в культе Геракла // ВДИ. – 1949. – № 2. – С. 60-72; Шенгелия И.Г. Этрусская версия теогамии Минервы и Геракла // Проблемы античной культуры. – Тбилиси, 1975. – С. 530-537; Ильинская Л.С. Легенды и археология. – М., 1988. – С. 64-78.

⁶ Пятышева Н.В. О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. – 1948. – № 2. – С. 198-204; Толстой И.И. Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Статьи о фольклоре. – М.; Л., 1966. – С. 232-248; Белов Г.Д. Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. – 1976. – № 4. – С. 203-208; Сапрыкин С.Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. – 1978. – № 1. – С. 38-52; Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. – Киев, 1984. – С. 12-17; Столба В.Ф. Новое посвящение из северо-западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. – 1989. – № 4. – С. 57-65; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – Киев, 1992. – С. 123-126; Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. – М., 2001. – С. 24-35.

теократии практически отсутствуют. Масштабных попыток обобщения отечественными исследователями не предпринималось.

Объектом исследования являются вариативные формы образа Геракла в различных социо-культурных и этногеографических ситуациях, а предметом исследования – отдельные противоречивые черты этого образа, свидетельствующие о его многовековом развитии.

Цель нашего исследования состоит в анализе тех изменений, которые претерпел образ Геракла в результате межкультурных контактов населения Балканского полуострова и Эгеиды с народами Средиземноморья и периферии античного мира. В этом контексте культурное взаимодействие в Северном Причерноморье является логическим следствием соответствующих процессов в греческом мире. Широкие хронологические рамки исследования – II тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э. – позволяют с наибольшей глубиной раскрыть суть и истоки изменений в образе, чему способствует постановка следующих задач:

- выявить критские истоки образа Геракла и проанализировать отразившиеся в образе социо-культурные реалии минойского Крита;
- исследовать греко-кельтское культурное взаимодействие на материале мифа о калидонской охоте;
- сопоставить образы балканского Геракла и апеннинского Херкле;
- раскрыть специфику северопонтийской версии культа Геракла и воздействия на него социо-культурной ситуации в колониях.

Методологической основой диссертации является представление о мифе как инвариантном ядре, реализуемом через множество повествовательных версий. Системность, являясь внутренней характеристикой мифологии, не исчерпывает ее как живое явление: конкретная реализация богаче по содержанию и включает элементы,

выходящие за пределы охарактеризованной инвариантной системы⁷. Изучение мифологии как системы акцентирует внимание на ее социальном бытии. Действительность и потребности отражаются в сознании людей в обобщенной форме – в кодифицированных нормах, идеологиях, общественных идеалах и художественных образах. Образ – результат отражения объекта в сознании человека, возникающий в условиях общественно-исторической практики, на основе и в форме знаковых систем. В этом смысле задача исследователя – декодификация. Такой подход, с точки зрения социума как носителя опыта, должен быть обращен к личностному опыту его отдельных представителей⁸.

Обозначенная выше методологическая основа предполагает обращение к ряду методических приемов, нацеленных на выявление отношений образов внутри мифа, а также взаимодействия с мифом исторической действительности: выяснение органичности фигуры в системе образов; анализ дублетов и сюжетных ходов, связанных с образом, их места и необходимости в мифе; изучение функционирования мифа и образа в культе героя, его участие в генеалогии; исследование генеалогических связей в мифе; поиск параллелей между мифологическими образами и историческими реалиями определенной эпохи.

Научная новизна работы состоит, прежде всего, в том, что впервые в отечественной науке подробно анализируется развитие образа Геракла в различных социо-культурных ситуациях и этнических средах. В плане изучения взаимодействия культуры античной Греции с культурой регионов периферии античного мира впервые на примере одного образа показано взаимовлияние религиозно-культовых представлений минойского Крита,

⁷ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. – М., 1985. – С. 12-13.

⁸ Чиглинец Е.А. Рецепция античного культурного наследия в XIX-XX вв.: Методологические основы исследования // Μυθία. Сборник трудов, посвященный памяти проф. В.Д.Жигунина. – Казань, 2002. – С. 520.

балканской Греции, кельтского, этрусско-италийского и северопонтийского ареалов.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования для дальнейшего изучения, как греческой мифологии, так и феномена мифологического сознания в целом. Результаты исследования могут быть использованы также при разработке учебных курсов и специальных курсов по истории минойского Крита и микенской Греции, истории античной культуры.

Апробация результатов исследования

Основное содержание диссертации отражено в восьми публикациях, вышедших в различных научных сборниках. Промежуточные результаты были представлены на научных конференциях: Международная научная конференция «Межкультурный диалог на евразийском пространстве» (30 сентября – 2 октября 2002 г., БГУ); Всероссийская научная конференция «Культурное наследие России: универсум религиозной философии» (к 110-летию со дня рождения А.Ф.Лосева) (29-30 сентября 2003 г., БГУ); III региональная студенческая научная конференция (25 марта 2005 г., БГПУ); Всероссийская научная конференция «Урал-Алтай: через века в будущее» (1-5 июня 2005 г., АН РБ).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении дается обоснование темы и ее актуальности, анализируется степень разработанности данной проблематики, освещается источниковая база, определяется объект, предмет, цели и задачи работы, а также обосновывается научная новизна проведенного исследования.

Первая глава диссертации «Критские истоки образа Геракла» содержит два параграфа. В первом из них «Геракл – глава критских куретов» анализируется коллегия куретов как мифологический и

исторический феномен и рудимент догреческого пласта мифологии. Данный анализ производится, исходя из наличия многих составляющих в образе Геракла. Принято считать Геракла дорийским племенным героем, соответствуют представлению о нем как о сыне верховного бога, боровшемся с хтоническими чудовищами. Однако другой Геракл античной традиции, связанный с Критом, не только старше Зевса, но и выполняет по отношению к нему функции опеки и защиты. Совокупность данных традиции о Геракле как главе критских куретов заставляет пересмотреть мнение о его исключительно греческом происхождении. Истоки критской составляющей образа коренятся в мировоззрении эгейско-анатолийского мира III-II тыс. до н. э., носители которого фигурируют в традиции как пеласги, реальная этническая единица, одна из ведущих сил в политической жизни минойского Крита и догреческой Эллады. Этническое взаимодействие пеласгов и пришедших на Балканский полуостров греков повлекло за собой взаимодействие мифологий. Образ Геракла со всеми его противоречиями – один из частных результатов этого процесса.

В этом контексте Геракл в качестве главы куретов, почитавшихся в качестве первооткрывателей металлов и их обработки, провозвестников производящей экономики в целом, а также спутников Великой Богини-Матери, предстает совсем в ином качестве, чем дорийский Геракл. Особое значение имеет то обстоятельство, что ритуалам куретов были присущи элементы шаманизма: функциональная близость щитов куретов бубну шамана, пиррихий с его кругообразными движениями, подчиненными ритму ударов в щит-бубен, и экстатическими выкриками, Геракл, соответствующий образу шамана, спускающегося в подземный мир. Функции жрецов на Крите можно отчасти уподобить функциям шаманов⁹.

⁹ Акимова Л.И. Искусство дворцов Эгейского мира. – М., 1999. – С. 13.

Но куретов нельзя рассматривать как отвлеченный мифологический образ. В цикле мифов, связанных с куретами, а также в пережитках социально-политического устройства более поздних обществ сохранились свидетельства о существовании на Крите системы мужских союзов, во главе которых стояли куреты. Мужские союзы были связаны с обрядами инициации. В мифе прохождение обряда инициации равносильно схождению в подземный мир, «возвращению во чрево Матери Земли»¹⁰. Скрытый катабасис Геракла содержится в мифах об освобождении Прометея, о скифской змееной богине, об Алкесте.

В последнем из перечисленных мифов богоборческая символика мифа, особенности поведения Геракла в доме Адмета, совершение катабасиса свидетельствуют о догреческом происхождении ядра мифа, что подтверждается многокомпонентностью образов Адмета, Алкесты и Геракла, наличием в мифе Танатоса, божества смерти с прочными пеласгическими корнями, а также отсутствием Аида. Миф реанимирует доолимпийский образ Геракла, руководителя посвящения.

Второй параграф «Образ Геракла и традиции критской теократии» посвящен выявлению мифо-исторических параллелей между институтом критской теократии и его отражением в греческой мифологической традиции. Реликты минойской эпохи в виде существенной роли глав жреческих коллегий отдельных городов в их политической жизни можно заметить в политическом устройстве архаических Мегар, Милета, Эфеса, где эсимнет мольпов выполнял функции судьи, царь – некоторые жреческие обязанности¹¹. Подобные явления указывают на политические и

религиозные установления эпохи, когда верховная политическая и жреческая власть была сосредоточена в руках правителя, критского ванакта.

Однако только учитывая матриархальные традиции минойского общества, можно более объективно взглянуть на истоки сакральной власти ванакта. Его участие в жертвоприношениях в качестве жреца выглядит как отголосок всеобъемлющей роли правителя, когда он, отождествляясь с наперником Великой богини, олицетворял жертвователя, жертву и ее потребителя в одном лице. Это первоначальное мужское божество Крита принято соотносить с целым рядом более поздних греческих божеств. Символ двойной секиры, имеющий прямое отношение к Гераклу в связи с мифом об Омфале, относится к древнейшим представлениям об этом божестве. В этом мифологическом комплексе Геракл вновь сталкивается с инициационной сферой, обстановку которого воссоздают рабство, унижительная работа, травестизм, характерный не только для рядовых посвященных обрядов, но и для жреческо-шаманских инициаций¹². Руководительницей шаманского посвящения является Омфала, Гераклу отведена роль посвящаемого, созвучная подчиненной роли божества, олицетворяющего мужское начало божественной диады.

С образом Геракла связан один из главных жертвенных символов минойской религии – бык. Три из 12 подвигов канона и ряд менее значимых эпизодов имеют отношение к «бычьей» символике. В сочетании со свидетельствами традиции о тесной связи аргосской династии с этим символом и с Критом вообще, а также с минойскими изображениями быка в обрамлении знаков восьмеркообразного щита и лабриса, эти факты дают основание предполагать, что истоки этого образа были критскими. Критская

¹⁰ Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. – М., 1999. – С. 12, 21, 133.

¹¹ Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. – СПб., 1999. – С. 71-74.

¹² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1946. – С. 93; Видаль-Накэ П. Черный охотник. – М., 2001. – С. 166; Хазанов А.М. Скифское жречество // СЭ. – 1973. – № 6. – С. 42-43.

составляющая этого образа своими корнями уходит в глубины религиозного мировоззрения эгейско-анатолийского мира III-II тыс. до н. э. Носители этого мировоззрения условно обозначались в античной традиции как пеласги. Весьма значимой чертой мифоритуальной системы последних являлись обряды шаманского типа. По теории диффузного распространения, шаманизм на Балканы мог быть занесен пеласгами, на ранних стадиях этногенеза контактировавшими с культурами со стойкими шаманистскими традициями. Это предположение необходимо подвергнуть дальнейшей верификации, отслеживая сходные явления не только на греческом материале, но и на материале культур, находящихся на периферии античного мира.

Во второй главе диссертации «Калидонская охота Геракла» содержится три параграфа. Первый параграф «Близнечная символика в мифе о калидонской охоте» посвящен раскрытию содержания указанной символики в отношении близнечной пары Геракл-Ификл. Образы Геракла и Ификла отражают тот вариант близнечного мифа, когда братья стали представляться не в качестве антагонистов, а лишь как воплощения двух начал, каждое из которых соотносено с одной из половин племени¹³. Отголоском враждебных отношений можно считать лишь отдельные эпизоды, такие, как убийство обезумевшим Гераклом своих племянников (Apolod. II.4.12). В близнечной паре Геракл-Ификл роли распределены вполне очевидно: Геракл – сын бога, которому предначертано бессмертие, Ификл – сын смертного, бледная тень своего брата. Но в этом мифологическом сюжете Ификлу была уготована далеко не второстепенная роль. Его имя совпадает с именем участника охоты, претендующего на обладание трофеями, явившегося причиной распри между калидонцами и

¹³ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная религия. – М., 1964. – С. 294.

куретами, этнической группой, пришедшей в Этолию с Крита (Strabo X.III.1-2; Apoll. I.8.3). Совпадение имен всегда свидетельствовало о существовании косвенной связи между героями¹⁴.

Геракл, по свидетельству традиции, был связан с Этолией, откуда была родом его жена Деянира, сестра Мелеагра. Брак Геракла и «девы-воительницы» Деяниры оснащен символикой борьбы, войны, которая является метафорой производительного акта, и в этом контексте воинственность Деяниры может быть понята совсем иначе. В ее образе, как, впрочем, и во многих женских образах олимпийской эпохи, содержится ряд черт, роднящих ее с минойской Богиней-Матерью.

Во втором параграфе «Греко-кельтские семантические параллели» анализируется культ свиньи и его место в греческой ритуальной системе. Учитывая, что миф о калидонской охоте становится актуальным в VI в. до н.э. с расширением контактов балканского мира, продуктивным представляется рассмотрение западного направления колонизации. Роль вепря в мифологии кельтов была достаточно велика. Можно предположить, что именно кельтский миф послужил толчком для актуализации сходного этолийского сюжета. Однако не исключено, что наличие сходных мотивов в греческой и кельтской традициях было обусловлено контактами палеобалканских этносов с протокельтами в рамках гальштатской культуры.

На основе этих положений исследуются сходные явления в религиозной и политической жизни греческого и кельтского обществ: культ свиньи, образ божественного свинопаса, отождествляемого с царем, у кельтов¹⁵ и институт сакральной царской власти царя-жреца у целого ряда культурных общностей III-II тыс. до н. э. На мифологическом уровне

¹⁴ Клейн Л.С. Бесплотные герои. – СПб., 1994. – С. 73-74; Тахо-Годи А.А. Аякс // МНМ. – М., 1991. – Т. 1. – С. 147.

¹⁵ Шкунаев С.В. Кельтская мифология // МНМ. – М., 1991. – Т. 1. – С. 635.

действовал культовый герой, божество, наперсник Богини-Матери, а на социально-политическом уровне - его заместитель, царь в архаической роли первосвященника.

Если сопоставить сведения кельтского сказания о гибели Диармайда во время охоты на кабана Бена Гулбана и греческого мифа о калидонской охоте, можно выявить определенное сходство их персонажей. Сближение Геракла с объектом калидонской охоты – вепрем – по аналогии с кельтским сюжетом вновь заставляет вспомнить о синкретичности архаического сознания, не разделяющего божество, жертву и жреца. Кабан был связан с культом Геракла в различных, географически отдаленных друг от друга регионах, что позволяет сделать вывод об изначальности этой связки. Если предположить, что миф о калидонской охоте и кельтский сюжет об охоте на кабана имеют общие корни, то нельзя не задаться вопросом о существовании кельтского аналога греческого Геракла.

Третий параграф «Галльский Геракл» и смеховая символика в его образе» посвящен сопоставлению образов Геракла и кельтского бога-«связывателя» Огмий, а также рассмотрению феномена обрядового смеха Геракла. Функции кельтского прообраза, «галльского Геракла», Огмий, были сопряжены с управлением явлениями внешнего мира без участия в них. Улыбка Огмий, равно как и смех Геракла, дают представление о значимости обрядового смеха в шаманских ритуалах, отпечаток которых несут мифологические свидетельства о безумии Геракла. Комические черты в образе Геракла, зафиксированные традицией в мифе об очистке скотного двора Авгия, подчеркнутые в ряде иконографических памятников, появляются в эпоху, когда изначальный образ божества, а с ним и смысл божественного смеха были забыты. Ряд явлений социально-политической и религиозной жизни Кельтики и Балкан заставляет предположить, что

основой сходства этих фигур является их дивергентное развитие в разных этнических средах.

Третья глава диссертации «Балканский Геракл и апеннинский Херкле» состоит из трех параграфов. В первом параграфе «Символический мир этрусских зеркал» анализируются изображения Херкле на этрусских бронзовых зеркалах. Зеркало в этрусских ритуальных действиях и выполняло магико-коммуникативные функции¹⁶, отвечая за связь с Иным миром и являясь атрибутом похоронного обряда. Функциональным прототипом зеркала может являться греческий сосуд для возлияний типа фиалы. Для минойской эпохи его аналогом являются «кикладские сковородки», связанные с культом Богини-Матери, заменяющие зеркало при наполнении водой. В культурах с элементами шаманизма, - а в культуре этрусов эти элементы отмечались неоднократно¹⁷, - зеркало играло первостепенную роль в мантических ритуалах.

Греческое *κατράχτης*, «зеркало», происходит либо от *κατρέω* «склоняться вниз», «смотреть вниз», либо от *ρήγνυμι* «разрывать», «преграждать»¹⁸. Первый вариант заставляет вспомнить о связи зеркальной магии с гидромантией. Озера во многих мифологических системах фигурируют в качестве входа в подземный мир. Стимфалийское озеро и его пернатые обитатели обозначены как объект одного из подвигов Геракла. В мифе об изгнании Стимфалид соединены озеро-зеркало, людоедство птиц, орудия подвига в виде лука со стрелами и тимпана-бубна. С фигурой первобытного мага Геракла сближает еще одно обстоятельство: он был подвержен приступам безумной ярости, весьма напоминающим

¹⁶ Мавлеев Е.В. Мифотворчество в зеркале искусства // Жизнь мифа в античности. Ч. 2. – М., 1988. – С. 200.

¹⁷ Мавлеев Е.В. Мифология этрусского бытия // Этруски и Средиземноморье. – М., 1994. – С. 290.

¹⁸ Дворецкий М. Древнегреческо-русский словарь. – М., 1955. – Т. 1. – С. 906; Т. 2. – С. 1452.

«шаманскую болезнь». В мифе запечатлен ритуал шаманского посвящения, объектом которого является Геракл и который развивается по схеме: болезнь-безумие, очищение и пересотворение души и тела.

Второй, исторически, возможно, более ранний вариант происхождения греческого *κατρίθετος* от глагола *ρήνυμι* «разрывать», «преграждать» тесно переплетен с первым, так как гидромантия, по сути, являлась некромантией. Состояние пограничности, которое символизировали водная гладь, поверхность зеркала, было основой мантики¹⁹. Отражение рассматривалось как двойник человека. В отношении Геракла символика двойника зафиксирована в образе его брата-близнеца Ификла. Двойника имел каждый шаман. Зеркало являлось шаманским атрибутом, олицетворяя границу между миром живых и миром мертвых²⁰.

Второй параграф «Культ Геракла-Херкле и аргейские праздники» характеризует особенности культа и функциональные аспекты образа Херкле, органичность его соединения с образом Геракла. Культ Геракла-Hercle был не столько греческим, сколько этрусско-италийским, о чем свидетельствует глубокая древность почитания его в Италии. Греческим влиянием нельзя объяснить многократные упоминания имени Геракла в топонимике региона²¹ и широкое распространение его культа среди италийских племен. Функции Hercle-защитника и покровителя города еще очевиднее проявляются при анализе его взаимоотношений с другими божествами, в частности, с этрусской богиней Uni, соотносимой с эгейско-анатолийской Богиней-Матерью.

¹⁹ Селиванова Л.Л. Аполлоны лебеди // Человек и общество в античном мире. – М., 1998. – С. 381.

²⁰ Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы нижнего Амура). – М., 1991. – С. 242.

²¹ Ельницкий Л.А. Элементы религии и духовной культуры древних этрусков // Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. – Воронеж, 1964. – С. 194.

Имя «Hercle» восходит к пеласгическому теониму, ставшему основой имен как этрусского, так и балканского героев сходство имен Hercle и «Hρακλῆς» вполне объяснимо, если исходить из факта существования общего праязыка и родства творцов обеих мифологических систем. Развитие в различных этнокультурных ситуациях обусловило особенности их облика к моменту позднего слияния.

Римский праздник Аргеи традиция связывает с именем Геракла (Plut. Quest. Rom. 32; Liv. XXII.57). При этом культ Геракла, существовавший до этого в Италии, не имеет никакого отношения к Гераклу, учредителю Аргеев, основным мероприятием которых являлась жреческая процессия, обходившая 27 святилищ, посвященных спутникам Геракла. На мосту через Тибр совершалось символическое жертвоприношение – в воду бросались соломенные куклы. Купание – символ, дублирующий разрывание и связанный с водным возрождением²². В качестве коллективного воплощения богини, хозяйки ритуала посвящения, в ритуале участвовали весталки. 27 «аргивских святилищ» соответствовали такому же количеству доромуловых курий²³. Курия в раннем Риме являлась структурообразующим элементом, помимо религиозной функции имеющим отношение к политической, военной и хозяйственной сферам. Курия выполняла функции инициационного союза²⁴. Культ Геракла в Риме и Тибуре был связан со сферой мужских союзов и инициаций. Обряд, в котором участвовали два полухора – юношей и людей старшего возраста, – сопровождался исполнением гимнов о подвигах Геракла, при этом

²² Акимова Л.И., Кишин А.Г. О мифоритуальном смысле зонтика // Этруски и Средиземноморье. – М., 1994. – С. 187.

²³ Жреческие коллегии в раннем Риме. – М., 2001. – С. 30.

²⁴ Там же. – С. 67.

исполнители назывались «салиями», хотя и не имели отношения к жреческой коллегии²⁵.

В третьем параграфе «Римские салии и критские куреты» соотносятся основные функции и атрибуты критский и римских жреческих коллегий, к которым имел прямое отношение Геракл. Помимо одежды из шкур и гимнов в честь Геракла, обе коллегии имели и другие общие атрибуты – щиты *ancilia* и пляски *πυρρίχη*. О том, что салии пользовались своими щитами, аккомпанируя пляске, куреты, традиция говорит вполне определенно (Dion. II.70.4; Plut. Numa 13.5). Танец пиррихий имел отношение и к салиям, и к жреческой коллегии арвальских братьев, имевших много общего в культе с салиями.

Помимо арвальских братьев, салии были связаны с коллегией весталок. У обеих коллегий существовали сложные торжественные формулы и процедуры ин- и эксавгурации. Понтифик в формуле посвящения девушки в весталки называет ее Аматою, возлюбленной бога. Связь весталки с любым мужчиной рассматривалась как инцест. Весталка уподоблялась той богине, которой она служила. О характере взаимосвязи двух коллегий можно судить, лишь исходя из наиболее общих религиозных категорий эпохи господства идеологии «мужеженского двуединства»²⁶, когда культ единой пребывающей богини дополнялся культом ее умирающего и воскресающего возлюбленного. Салии и арвальские братья воплощали мужскую ипостась божества, кружившегося вместе с ними в пляске, весталки олицетворяли действенную неподвижность находящейся в сакральном Центре мироздания предвечной богини.

Таким образом, коллегию салиев при известном сходстве ритуалов и атрибутики можно соотнести с коллегией куретов. Но нельзя

²⁵ Bayet J. Op. cit. – P. 322; Немировский А.И. Идеология... – С. 106-107.

²⁶ Иванов В.В. Дионис и прадионисийство // Эсхил Трагедии. – М., 1989. – С. 441.

отождествлять Геракла, возглавлявшего куретов, и Геракла, вторгающегося и преобразующего культ салиев. Геракл-курет – преобразованный в олимпийскую эпоху образ древнего космического божества. Геракл-реформатор – аргосский правитель, возглавивший военно-колониционную кампанию ахейцев на Апеннинском полуострове. Однако вследствие специфики мифа как исторического источника, фиксирующими исторические события в соответствии с антиисторическими установками коллективной памяти, все, что можно сказать о реальном историческом персонаже, сводится к набору абстрактных стереотипов, за которыми скрывается подлинная история. Ахейский вождь, возглавивший кампании против Илиона, Пилоса и ряда других городов, осуществивший военный поход в земли Гесперии, в ходе которого был проведен ряд реформ в культовой сфере, связанных с отменой человеческих жертвоприношений, утратил индивидуальность, пройдя через жернова коллективной памяти. Нельзя даже с уверенностью приписать эти свершения одному человеку, жившему в XIII в. до н. э.

На примере Hercules-Геракла еще раз подтверждается тезис, неоднократно фигурировавший в отечественной историографии, о том, что божества и герои в этрусской мифологии почитались уже в ту эпоху, когда греческие племена окончательно не сформировались, что их культ был характерен для пеласгического населения Эгеиды²⁷. Следовательно, этрусская и греческая религия отчасти восходят к одному источнику – религиозным представлениям пеласгов минойской эпохи.

В четвертую главу «Северопонтийский вариант культа Геракла» входят два параграфа. В первом из них «Особенности культа в Херсонесе и на Боспоре» сопоставляются аспекты культа Геракла, связанные с

²⁷ Немировский А.И., Харсекин А.И. Этруски. Введение в этрускологию. – Воронеж, 1969. – С. 134.

почитанием его ионийцами и дорийцами, с учетом влияния местных культов. Популярность культа Геракла в Херсонесе связана с дорийским происхождением колонии. Но утверждение о гомогенности этого культа было бы априорным. С одной стороны, у дорийцев Геракл считался покровителем армии и агонев, ему посвящались спортивные состязания военного характера. Геракла почитали как покровителя государства и его вооруженных сил²⁸. На основании этих данных и строятся предположения исследователей о том, что в Херсонесском государстве Геракл наделялся набором качеств, традиционных для дорийского героя.

Однако другие находки в Херсонесе, будь то посвященные рельефы, изображающие пирующего Геракла, статуэтки «комического» Геракла или Геракла в скифском облике²⁹, рисуют образ далекий от героического идеала. Не в пользу утверждения об исключительно дорийском характере культа говорит и почитание его совместно с женским божеством, богиней Девой, изображение с ее атрибутами³⁰. Культ Геракла в Херсонесе значительно отличался от первоначального греческого (дорийского) культа. Геракл почитался не только как идейный вдохновитель завоевания новых земель, эпонимный покровитель и владелец Херсонесского государства в социально-политическом аспекте, что вполне естественно для героя, но и как покровитель аграрной территории и земледельцев, как податель плодородия и отвратитель зла³¹.

К территории Боспорского государства относится миф о победе над гигантами, которую Геракл одержал совместно с Афродитой Апатурой. Миф представляет собой типичный образец греческих колониальных мифов,

²⁸ Столба В.Ф. Указ. соч. – С. 69.

²⁹ Белов Г.Д. Указ. соч. – С. 206-207; Наливкина М.А. О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма // СА. – 1940. – № 6. – С. 108.

³⁰ Зубарь В.М. Боги и герои античного Херсонеса. – Киев, 2005. – С. 20.

³¹ Соломоник Э.И. Указ. соч. – С. 4.

целью которых было оправдать право на землю. Но этим функциональным аспектом не ограничивается значение мифа. Г.А.Кошеленко отмечает очевидную связь эпиклезы Афродиты «Апатура» с общеионийским праздником Апатурии. Праздник состоял из совместных трапез и жертвоприношений, а также из представления детей фратрии³². Обряды перехода, характерные для этого праздника, имеют непосредственное отношение к испытательной семантике, заключенной в таком символе, как пещера. Миф приобретает черты посвященного обряда, где в качестве неофита присутствует Геракл, а в роли Хозяйки инициации – Афродита. Институты ионийского общества – ритуалы «перехода» – продолжали функционировать и на Боспоре. Со временем хтоническая составляющая боспорского культа дополнилась его функциями, связанными с покровительством власти.

Культ Геракла в Боспорском царстве был неоднороден по своей природе, сочетая представления о нем как о герое, наделенном сотерическими функциями, прежде всего, по отношению к правящей династии. Подобный синкретизм был обусловлен присутствием в составе Боспорского царства многих этнических компонентов. С этим обстоятельством связана реанимация ряда специфических черт в этом образе, давно отошедших в небытие и позабытых в балканской Греции, но под воздействием особых социально-политических и этнокультурных условий вновь ставших актуальными в Северном Причерноморье. Боспорское царство было периферией античного мира не только

³² Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Древности Боспора. – 1999. – № 2. – С. 153-154, 157; Русяева А.С. Афродита Урания – патронесса милетско-пантийской колонизации // Боспорский феномен. Ч. 1. – СПб., 2001. – С. 21.

территориально, но и ментально – как заповедник архаического, мифоритуального сознания³³.

Второй параграф «Ольвийский культ Геракла и номады Скифии» содержит анализ взаимодействия ольвийской и скифской культовой традиции в отношении Геракла. К территории Ольвии относится сюжет о браке Геракла со скифской змееногой богиней. Большинство исследователей соотносит «скифского Геракла» с героем скифской мифологии Таргитаем. Однако ряд черт в образе Геракла говорит о его греческом происхождении и о скифском влиянии на основе типологического сходства с отдельными фигурами скифского пантеона. Анализируется ряд семантических элементов: сон, фигурирующий в качестве субститута смерти, соотносимый со скифским праздником, включавшим «сон царя»; лес, не характерный для Скифии ландшафт, знаменующий путь в подземный мир; пещера, символизирующая этот подземный мир и, одновременно, материнскую утробу; коней как животных-психопомпов; лук и пояс с чашей как характерные шаманские атрибуты. Рассматриваемый сюжет содержит элементы посвятельного обряда, в котором неофитом является Геракл, а Хозяйкой инициации – змееногая богиня.

Поскольку объект проявления власти Хозяйки инициации – кони, то змееногую богиню можно соотнести с Хозяйкой зверей, в частности, коней, а Геракла, соответственно, – с Хозяином коней³⁴. Это божество в древнейшей индоевропейской традиции изображалось в виде человека, держащего под уздцы двух лошадей. Вместо человека иногда изображался «столб-коновязь», Мировое Древо, с которым ассоциировались шаманские

посохи, которые использовались при ритуальной пляске. В отношении Геракла с символизмом посоха и Мирового древа связана его палица.

Кони, широко представленные в скифской ритуальной традиции, фигурируют и в качестве объекта одного из канонических подвигов, а также в ряде эпизодов, связанных с Гераклом. Важная роль принадлежит коню в шаманских обрядах. Подтверждением того, что кони, с которыми довелось иметь дело Гераклу, были непосредственно связаны с Подземным миром, служат италийско-этруссские изображения коней Диомеда с крыльями³⁵, что в данном ареале является признаком причастности к Иному миру.

Не является уникальным и наличие в мифе не совсем, обычного для Геракла оружия – лука. Существует мнение, согласно которому лук в шаманском камлании связан с культом женского божества. Семантика лука как космического женского чрева лежит в основе фаллической символики стрелы. В религиозных системах с сильными пережитками шаманизма стрельба из лука понималась как священный брак неба и земли³⁶. Сам шаман нередко назывался «лучником» или «стрелком».

Анализируя легенду о змееногой богине, связанную с Ольвией, и соотнося результаты анализа с бытовавшим в Ольвии культом Геракла, можно сделать вывод о том, что между Гераклом, служителем верховного женского божества, и Гераклом, покровителем полиса, теряющимся среди других героев, дистанция огромного размера. Геракл скифской легенды архаичнее и старше ольвийского героя, что обусловлено реактуализацией ранних пластов его образа при взаимодействии с местными культами. Этот процесс отчасти также мог быть обусловлен рядом факторов общественной жизни греческих колоний.

³³ Тульпе И.А., Хршановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. – СПб., 2002. – С. 167.

³⁴ Шер Я.А. «Господин коней» на берегу Енисея // ПАВ. – 1993. – № 6. – С. 20.

³⁵ Kurtz D.C. The man-eating horses of Diomedes in poetry and painting // JHS. – 1975. – № 95. – P. 172.

³⁶ Ерофеева Н.Н. Лук // МНМ. – М., 1992. – Т. 2. – С. 76.

Заключение содержит подведение итогов исследования и основные выводы, касающиеся влияния на образ Геракла как этнических факторов, так и изменений в социально-политической сфере. Противоречия, заключенные в образе Геракла, объясняются тем, что в основе своей этот образ многокомпонентен.

Анализ образа Геракла вскрывает ряд глобальных проблем, связанных с межкультурным взаимодействием в рассматриваемых регионах. Одним из основных выводов, является заключение о значимости шаманских черт в этом образе. Если традиции шаманизма передавались путем этнокультурных контактов, то это вновь делает актуальным вопрос о взаимодействии между этносами средиземноморского круга и скифскими племенами.

Однако возможно и иное объяснение присутствия пережитков шаманизма в греческой культуре. Постулируя принадлежность «пеласгического» языка к палеобалканской группе и учитывая, что религии фракийцев, язык которых принадлежит к той же группе, отмеченные пережитки были в высшей степени свойственны, можно предположить, что религиозно-культурная сфера носителей палеобалканских языков унаследовала некоторые архаичные черты общеиндоевропейского ритуального пласта.

Присутствие в том или ином мифе Геракла в функционально разных обликах – свидетельство трансформации изначальных мифологических конструкций под влиянием идеологии, привнесенной в пеласгическую среду новыми этносами, и новых социальных условий. Столь богатое мифологическое прошлое объясняет причастность Геракла ко всем крупным мифологическим циклам. Оно сделало синкретичную фигуру под именем «Геракл» настолько жизнеспособной, что она сохраняла свою популярность

долгое время после того, как этнос, породивший ее, сошел с исторической сцены.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Эволюция мифологического образа Геракла // От древности к новому времени. – Уфа, 2001. – Вып. 3. – С. 10-12.
2. Бронзовые зеркала Этрурии и культ Геркулеса // От древности к новому времени. – Уфа, 2002. – Вып. 5. – С. 47-53.
3. Геркулес в «Зазеркалье» // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: международная науч. конф., 30 сент. – 2 окт. 2002 г. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 61-62.
4. Поэзия мифа и проза истории в «Божественной комедии» Данте (к вопросу о восприятии античной мифологии Данте) // Культурное наследие России: универсум религиозной философии: всеросс. науч. конф. к 110-летию со дня рождения А.Ф.Лосева, 29-30 сент. 2003 г. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 202-206.
5. Эллинские культы у номадов Скифии (к вопросу о Геракле Скифском) // Сборник студенческих работ. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 206-211.
6. Апология Геракла (смеховая символика в образе Геракла) // От древности к новому времени. – Уфа, 2005. – Вып. 7. – С. 25-33.
7. Идеальная личность античности // Конформизм и неконформизм в истории: III региональная студ. науч. конф., 25 марта 2005 г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. – С. 77-79.
8. Калидонская охота Геракла (к вопросу о кельтских корнях греческого мифа) // в печати.